ПОГРОМ АУЛА БЕГЛЫХ КАБАРДИНЦЕВ КНЯЗЯ АЛИ КАРАМУРЗИНА В ЛИТЕРАТУРНОМ НАСЛЕДИИ ИЛЬИ ТИМОФЕЕВИЧА РАДОЖИЦКОГО

Бойденко С.В.

Бойденко Светлана Владимировна, 105203, г. Москва.
E-mail: ssoloczkaya@mail.ru

Скиба К.В.

Скиба Константин Викторович, 352900, г. Армавир.
E-mail: kv-220-85@mail.ru

В данной статье впервые полностью опубликован, рассмотрен и изучен с развернутыми комментариями, фрагмент «Походных записок артиллериста в Азии с 1823 г. по 1831 г.», составленных И. Т. Радожицким, российским офицером-участником Кавказской войны.

События, описанные И. Радожицким, произошли в ходе военной экспедиции, предпринятой в апреле 1825 года генералом А. Вельяминовым против живших за Кубанью так называемых «беглых кабардинцев». Впоследствии эти исторические факты были использованы И. Радожицким для написания своей «черкесской повести в стихах «Али Кара-Мирза», которая была опубликована им в Москве в 1832 году.

Ключевые слова: Илья Тимофеевич Радожицкий, Кавказская война, Кубанская кордонная Линия, генерал А. Вельяминов, кабардинский князь Али Карамурзин, беглые кабардинцы, линейные казаки.

Кавказская война, которая много десятилетий «шла на Кавказе и за Кавказ», с момента прекращения которой прошло уже более 150 лет, продолжает стабильно привлекать внимание многих российских и зарубежных ученых. Но, как это часто бывает в любой исторической теме, на свет периодически появляются ранее неизвестные источники, которые заставляют нас по-новому взглянуть на многие, уже привычные и известные нам события той войны.

Один из таких источников – «Походные записки артиллериста в Азии с 1823 г. по 1831 г.», составленные «полковником Родожицким», которые хранятся в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА. Ф. 482 Оп.1 Д.135).

Их автором был Илья Тимофеевич Радожицкий (1788-1861 гг.) – российский офицер-артиллерист, военный топограф, директор

Тульских оружейных заводов, участник Отечественной войны 1812 года, Заграничного похода русской армии 1813-1814 гг. и русско-турецкой войны 1828-1829 гг.

Кроме своей официальной карьеры, которую он закончил генерал-майором от артиллерии, И. Радожицкий был известным ученым-ботаником[1] и писателем[2]. О его литературных успехах можно судить по тому, что И. Радожицкий дружил с А. С. Пушкиным, с которым он познакомился на Кавказе, о его книгах упоминал в своих статьях Н. В. Гоголь. Л. Н. Толстой использовал рассказы, записки и статьи И. Радожицкого при описании Бородинского сражения в «Войне и мире».

В 1823 году подполковник Илья Радожицкий отправился служить на Кавказ в Отдельный Кавказский корпус под командование генерала А. П. Ермолова, где его назначили в 22-ю артиллерийскую бригаду, штаб которой находился в городе Георгиевске (Колосовская, 2015, стр. 39).

Отсюда, за ближайшие несколько лет (1823-1825 гг.), офицер-артиллерист И. Радожицкий принимал участие в многочисленных военных походах и экспедициях «против непокорных закубанских горцев», которые были предприняты на Кубанской кордонной Линии генерал-майором Алексеем Александровичем Вельяминовым и его заместителями – полковниками Юрием Павловичем Кацыревым и Федором Александровичем Бековичем-Черкасским (Потто, 1994, стр.394-470).

Многочисленные картины боевой жизни кавказских войск, этнографические зарисовки из жизни «закубанских народов», свои личные впечатления И. Радожицкий включил в свои «Походные записки артиллериста на Кавказе и за Кавказом с 1823 по 1831 г.».

---

[1] Главный ботанический труд И. Радожицкого - неопубликованный труд «Всемирная флора» из 15 томов большого формата, «с атласом на 730 листах и с 1609-ю превосходно разрисованными им акварелью копиями и с натуры снятыми растениями, с подробнейшим и замечательно отчетливым анализом их органов».

[2] «Походные записки артиллериста с 1812 по 1816 г.» («Отечественные Записки» 1823 г., ч. 14, стр.351-371; ч. 15, стр.20-40; 1824 г., ч. 17, стр.243-263; 1826 г., ч. 27, стр.325-347); «Походные записки артиллериста в Азии с 1829 по 1831 г.» («Военный Журнал» 1857 г., 1-я книжка, стр.1-93; 2-я кн., стр.94-164; 3-я кн., стр.75-160; 4-я кн., стр.154-204; 5-я кн., стр.153-203; 6-я кн., стр.136-175); «Историческое известие о походе российских войск в 1796 г. в Дагестан и Персию под командой графа В. А. Зубова» («Отечественные Записки» 1827 г., ч. 31, стр.127-168; 266-314); «Кыз-Брун, черкесская повесть» («Отечественные Записки» 1827 г., ч. 32, стр.285-310 и 451-477); «Амулат-Бек» («Древняя и Новая Россия» 1879 г., № 1, стр.84-85); «Неустрашимость артиллеристов» («Отечественные Записки» 1826 г., ч. 26, стр.139-141); «Письма из Ставрополя» («Отечественные Записки» 1826 г., ч. 28, стр.104-140; 1827 г., ч. 29, стр.146-150; ч. 30, стр.489-495; ч. 34, стр.150-158); «Корреспонденции» («Северная Пчела» 1829 г., № 41, 80, 91, 98, 99, 101, 135, 136, 154; 1830 г., № 9, 10); «Письма с Кавказа к П. П. Свиньину» («Чтения Московского Общества Истории и Древностей», 1874 г., № 2, стр.113-128).

Однако их судьба, в отличие от других, опубликованных работ Радожицкого, сложилась крайне неудачно...

Из хранящейся в фондах РГВИА переписки И. Т. Радожицкого с Д. А. Милютиным выясняется, что в 1838 году И. Радожицкий привез свои записки в Петербург и представил лично председателю военного Цензурного комитета генералу Михайловскому-Данилевскому, который, как заметил сам Радожицкий, «знавши меня, принял очень благосклонно; однако семь лет держал их у себя, и когда я в 1844 году был переведен из Кавказа на службу в Штаб Его Высочества генерал-фельдцейхмейстера, тогда только, и то не иначе, как по ходатайству Начальника штаба князя Долгорукова, получил обратно свои рукописи, перемаранные и перечерканные... причем генерал Данилевский лично сказал мне, что о военных действиях на Кавказе с горцами не позволено ничего печатать, но о войне с турками я могу представить вновь свои записки, исключив то, чего не дозволяет цензура» (Колосовская, 2015, стр. 46).

Лишь после еще нескольких неудачных попыток, в 1857 году, при поддержке Д.А. Милютина, часть кавказских записок И. Радожицкого, повествующая о событиях русско-турецкой войны, была опубликована на страницах «Военного журнала» (Колосовская, 2015, стр. 47).

Сама же рукопись была передана в архив Военно-топографического депо; в настоящее время часть этой рукописи – 194 листа, которые не являются единым текстом (где находятся остальные части рукописи Радожицкого неизвестно), хранятся в фондах РГВИА под названием «Походные записки артиллериста в Азии с 1823 г. по 1831 г. Сост. полковник Родожицкий» (РГВИА. Ф. 482 Оп.1 Д.135).

Этим ценным историческим источником, написанным от первого лица, активно пользовался военный историк Василий Александрович Потто во время работы над своим знаменитым трудом «Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях», который охватил период вооруженного противостояния на Кавказе с начала XVI века по 1831 год.

Но, как и было положено «официальному» военному историку, В. Потто взял из записок И. Радожицкого далеко не все. В первую очередь это касалось таких нелицеприятных моментов как чрезмерные жестокости во время военных экспедиций в отношении черкесских женщин и детей, служебные интриги российских военных между собой и т.д.

Для нашей статьи мы решили взять, и впервые опубликовать полностью, фрагмент записок И. Радожицкого о военной экспедиции, предпринятой в апреле 1825 года генералом А. Вельяминовым против

живших за Кубанью т.н. «беглых кабардинцев» (РГВИА. Ф. 482 Оп.1. Д.135 Л.67-78).

Своим главным помощником в этой экспедиции генерал Вельяминов, имевший временную резиденцию в крепости Прочный Окоп, назначил «любимого адъютанта Ермолова», «владетеля Малой Кабарды», полковника Херсонского гренадерского полка князя Федора («а по-туземному Тембота») Александровича Бековича-Черкасского» (Толстой, 2000, стр. 110-111; Утверждение русского владычества, 1904, стр. 193).

Главной целью экспедиции был выбран большой аул беглого кабардинского князя Али Карамурзина (Али Кара-мурзы), который, «во время бунта всей Кабарды в 1822 году, преследуемый оружием русских, бежал за Кубань и поселился между бесланеевцами, на вершине реки Лабы, за горой Ахмат, в почти неприступном ущелье». По мнению военных, этот «дерзко расположенный» аул был «вечной угрозой нашим границам» (Утверждение русского владычества, 1904, стр. 191).

1 апреля 1825 года, как только начались темные, безлунные ночи, экспедиционный отряд генерала Вельяминова, «собранный в величайшем секрете» – 3 батальона пехоты из Тенгинского и Ширванского полков, 18 орудий пешей и конной артиллерии (в том числе «конно-казачьи орудия»), Кубанский и Кавказский казачьи линейные полки, собранные в поход «в весьма слабом составе» общим числом в 350 казаков, – переправился через Кубань в 4 верстах выше станицы Прочноокопской. Река была в разливе, поэтому артиллерию отряда пришлось переправлять на паромах, что задержало переправу на весь день (Потто, 1994, стр. 458; Утверждение русского владычества, 1904, стр. 191).

Далее мы предоставим слово самому И. Радожицкому:

«…Пообедавши и отдохнувши, часов в шесть пред вечером выступили мы из своей засады. Погода ясная обещала хорошую ночь.

Мы вытянулись к большому кургану. Этот курган по-ногайски называется Кутлов, по имени одного полководца крымского хана, с которым он шел до этого места, и который здесь умер.

Хан, в память храброму вельможе своему, приказал каждому воину бросать на его могилу по 15-ти фунтов земли, и оттого вышел большой курган; в стороне при нем поставлен особо надгробный памятник, в виде четвероугольной башни.

Во вторую ночь (в ночь на 3 апреля – Авт.), пройдя 15 верст, мы переправились вброд чрез речку Синюху, или Чабарту, с крутыми берегами; потом, пройдя 8 верст еще, перешли вброд чрез речку Малый Чамлык и, с рассветом дня, пройдя еще пять верст, перешли

третью речку – Средний Чамлык, чрез Касаев брод, и тут остановились[1].

Все эти речки впадают в правый берег Лабы. Здесь место было не совсем скрытное и лесу немного; дорога, по которой мы шли, была очень знакома солдатам, потому что здесь находился аул, разоренный ими раньше.

В продолжение всей ночи сон одолевал меня, однако я крепился. Переправа через три речки вброд нас довольно задержала, пехотинцы каждый раз разувались и обувались. Броды были глубиною до трех футов. Несмотря на то, прошли всего около 30 верст.

После такого похода отрадно было пообедать у генерала Вельяминова, у которого стол всегда изящен – как на квартире, так и на бивуаках. У него были две замечательные арбы, сделанные, в виде ящиков с двумя колесами, наподобие кубанских, у которых диаметр колеса три с половиною аршина, так что никакие броды не могут подмочить хранящихся в ящике гастрономических редкостей (РГВИА. Ф. 482 Оп.1. Л.67-68).

На третью ночь пред вечером, с пяти часов выступили мы из Чамлыцкой засады и 10 верст шли все вверх по Чамлыку, довольно открытой лощиной. Погода была сначала пасмурная и дождливая, но после разгулялась.

Мы дошли до реки Окарт и тут отдыхали в ожидании ночного мрака. Генерал расположился особо на кургане, вокруг его сохранялась тишина; казалось, мы были открыты черкесам и все сомневались в успехе.

Полковник Коцарев (хотя правильнее говорить Кацырев – Авт.) говорил, что будто аул, к которому направлен был набег, ушел; до Лабы оставалось еще 18 верст. Генерал был задумчив и мрачен.

Однако в 9 часов вечера (в ночь с 4 на 5 апреля 1825 года – Авт.), мы тронулись, шли очень тихо и часто останавливались. Дорога была не довольно хороша, грязна и встречались глубокие лужи. Ночь таинственная, звездная и довольно ясная.

Мы повернули влево и пошли вверх по Лабе, которая вправо у нас шумела по широкой лесистой долине, разделяясь на рукава; мы ощутительно поднимались все выше и выше, сближаясь с звездным небом, на котором ярко сверкали ночные светила; мы попирали высокую, поблеклую траву и местами проходили мимо больших, еще не растаявших груд снегу.

---

[1] Стоянка отряда на реке Чамлык находилась на половине пути от Кубани до Лабы.

Я шел впереди колонны, при двух конно-казачьих пушках; вправо, на пятидесяти шагах тянулась цепь пеших стрелков.

Князь Бекович со всеми казаками и двумя конными пушками шел, спешившись, за версту впереди. Мы шли скоро, ровно, тихо; но задние растягивались, и генерал, на двенадцатой версте, велел остановиться.

Тут, покуда все стянулись, прошло около часу, и при мерцании звезд мы тронулись тем же порядком, соблюдая строгую тишину. Я впереди вел ровный шаг; предо мною шел проводник Али Шегур с десятью казаками. Пройдя верст десять от привала, мы спустились к Лабе, по отлогой покатости берега, и примкнули вправо к лесу.

Еще пред спуском к Лабе с высоты мы увидели огни овчарников по ту сторону реки и слышали лай собак. Такое открытие дало нам надежду на добычу; но сказали, что это мирные бесленейцы – и солдаты приуныли (от того что сорвалась явная добыча – Авт.).

Рассвет дня открыл перед нами ущелье, из которого выходила Лаба, закрытая лесом, и которое преграждалось хребтом Черных Гор; из них выставлялась одна огромная гора Ахмат.

Когда мы остановились (утром 5 апреля 1825 года отряд Вельяминова стал лагерем на Лабе «в урочище Калымшоко»), пройдя в эту ночь около 40 верст без видимого успеха, солдаты стали проклинать вожатого, изменника, потому что привыкли всегда, бывало, с рассветом дня видеть баранов, или пленных, или разорение аулов.

Ропот неудовольствия слышан был за трехсуточную бесполезную ходьбу. Вдруг Коцарев приходит ко мне и велит облегчить два орудия, которые должны идти за батальоном Ширванского полка в ущелье; все опять зашевелилось.

Вскоре потом увидели мы впереди из-за леса от Лабы табун лошадей, которых гнали к нам казаки. «Вот баранта», – кричали солдаты, и все оживилось. Ширванский батальон побежал за Коцаревым вперед в ущелье, за ним пустились мои пушки и несколько казаков.

Я подъехал к генералу и поздравил его с добычей. «Да что, брат, поздно пришли!» – сказал он (РГВИА. Ф. 482 Оп.1. Л.68об-69об.).

Тут же подошел к нему Тенгинского полка майор Тихонов, у которого генерал спросил: «Что, братец, есть ли у тебя хотя три роты неусталых?». А мне сказал: «Да, да! Вот я и забыл! Оставайся-ка, устрой вагенбург». Сам он тотчас пошел за ширванцами с тремя ротами тенгинцев.

От казаков, пригнавших к нам черкесский табун лошадей, мы узнали, что Бекович захватил его недалеко за лесом, а потом сам с казаками и двумя пушками поскакал верст за пятнадцать в ущелье разорить кабардинский аул.

По отъезде генерала, я стал стягивать фуры и патронные ящики в каре около генеральской палатки, примкнув одним фасом к лесу. Для прикрытия этого фаса, только что выслал я в лес стрелков, как вдруг услышал там перестрелку. Я думал, что толпа черкесов намеревалась прорваться к вагенбургу, и поспешил его выстроить. У меня оставались две неполные роты пехоты, четыре пушки и с сотню казаков.

Я тотчас распорядился: роту пехоты выстроил в цепь, чтобы подкрепить стрелков, если б их стали сбивать оттуда, десять казаков послал к стрелкам с приказанием офицеру, чтобы не отдалялся вперед и держался бы на месте; пушки поставил на флангах, приблизил отбитый табун лошадей и остальных казаков расставил вокруг вагенбурга на пушечный выстрел пикетами по тропинкам и курганам, чтобы извещали меня о приближении партий и, если можно, перехватывали бы шатающихся черкесов.

После этого поехал я в лес; тут стрелки мои уже возвращались после перестрелки, и офицер донес, что, вступивши в лес, он увидел толпу бегущих справа от казаков черкес, которые отстреливались, поэтому и он начал в них стрелять; убил четверых и двух ранил; казаки тоже двух убили и с них сняли оружие; прочие разбежались, отстреливаясь неудачно (РГВИА. Ф. 482 Оп.1. Л.70-71).

Я приблизил стрелков к вагенбургу и равнодушно ожидал черкесов, надеясь, что встречу их недурно. Что делалось впереди в ущелье, нельзя было ни видеть, ни слышать, но казаки стали приводить ко мне пленных; сперва трех, потом пять, десять и в том числе одного раненого; наконец привезли целую арбу с имуществом и оружием. Пленных в короткое время собралось около двадцати.

Забавно было, что казаки в числе пленных привели ко мне нашего проводника Али Шегура – мирного бесленейца, который имел семейство в ауле, в семи верстах отсюда и, пробираясь туда, попался в руки пикетных казаков. Я велел было отобрать у него оружие и самого взять под арест, но, всмотревшись в его спокойное лицо, узнал проводника и вместе с ним рассмеялся.

Вскоре привели из того же аула пробиравшегося мимо нас бесленейского хаджи, я и его велел обезоружить, но Шегур сказал мне, что он точно мирный и не думает худо, а потому просил его выпустить.

Желая показать доверенность к нему, уважил его просьбу с тем только, чтобы этот бесленеец возвратился прямо в свой аул. Вскоре пригнали ко мне стадо рогатой скотины и до тысячи баранов.

Потом уже за полдень, когда я, пообедавши, уснул, казак привел ко мне пленную женщину, верхом на лошади, под покрывалом, говоря, что эта княгиня – жена убитого кабардинского князя Али Кара-Мирзы и что весь его аул разорен Бековичем.

Для черкесской княгини, которую воображал я красавицей, тотчас велел очистить солдатскую палатку и приставить к ней почетный караул. Сходя с лошади, она показалась мне довольно стройной, с маленькими ножками и ручками, только длинное покрывало не позволяло видеть лица, которое, без сомнения, было омрачено горестью.

Наконец явился генерал с веселым лицом и сказал мне, что Бекович один с казаками успел все сделать, и ни пехота, ни артиллерия не участвовали: аул разорен и выжжен, множество кабардинцев побито и взято в плен. Я поздравил его (РГВИА. Ф. 482 Оп.1. Л.71об.-72об.).

К вечеру, когда привезли 90 пленных женщин и девок, да 30 мальчиков и собралось столько же взрослых черкесов, все объяснилось.

Надо заметить, что Коцарев прошлого года с пятитысячным отрядом стоял на Лабе в 12 верстах ниже нашего места и не решался подступить к этим кабардинцам. Сам генерал, даже не думая о том, послал Бековича только чтобы подобрать баранту.

Князь Бекович пред рассветом отошел верст десять вперед от колонны отряда, переправился чрез Лабу и тут же увидел табун кабардинских лошадей. Хотя Коцарев пред тем распустил слух, что табун разбежался, однако присутствие табуна дало мысль князю допросить пастухов.

Он принял их в плети и узнал, что аул еще на месте и в расстоянии более двадцати верст. Князь решился и послал генералу сказать, что он идет, а для подкрепления просил выслать пехоту.

Сам он тотчас с 350 казаками бросился на гору Ахмат, скакал верст пять по ее отлогости мимо бесленейских аулов, в которых еще все спали; потом переправился через другую Лабу и на правом берегу ее, имея влево высочайшую лесистую гору, пробирался чрез узкую теснину верст двадцать.

Тут сотни черкесов достаточно б было, чтобы не пропустить тысячи неприятелей. Казаки по одному и по два с трудом перебегали все выше и выше по грядной и каменистой тропинке, наконец, увидели аул, стоявший на долинке, которая образовалась на правой

стороне Лабы у подошвы лесистой горы, составлявшей часть смежного хребта.

Князь полагал найти аул из 40 саклей, но увидел их до 200. Кабардинцы знали о приближении русских и всю ночь не спали, но, не видя ничего, как на грех, перед рассветом овладел ими тяжкий сон.

Князь Бекович собрал казаков и сказал им выразительно: «Ребята, кто сделает хорошо свое дело, тот будет награжден, а грабителей я расстреляю!»

Тотчас послал он сотню казаков влево мимо леса, полсотни вправо от берега, а сам с 200 пустился в аул; причем велел без крика колоть вооруженных, отнюдь не стреляя из ружей.

Однако часть казаков завела перестрелку, а другая бросилась в сакли за добычей; тогда он задним велел стрелять в передних, чтобы попугать их, а для отклонения грабежа приказал зажигать аул со всех сторон.

Майор Дыдымов[1] со своим Кавказским полком наиболее содействовал успеху всех распоряжений князя; он пронесся чрез весь аул с одного конца на другой, казаки его кололи пиками всех встречавшихся, а сам он налетел на князя Али Кара-Мирзу, которого знал. Полураздетый Князь выстрелил по нем – мимо, тогда Дыдымов вскричал ему по-черкесски: «Теперь ты мой!» – и пистолетным выстрелом положил его на месте: пуля прошла ниже правого глаза в затылок насквозь.

Все кабардинцы выскочили из саклей полураздетые и встречали верную смерть потому, что второпях не знали как защищаться, между тем казаки их нещадно кололи.

Жена Али Кара-Мирзы вышла, держа в руках мешок с 700 червонцами; казаки выхватили у нее золото и за это оставили в живых[2].

---

[1] Майор Аким Макарович Дадымов (Дыдымов), по-черкесски «джигит Еким», «родом осетин православного вероисповедания» из моздокских казаков, командир Кавказского линейного казачьего полка. Вскоре погиб «в жарком деле под Тлямовым аулом 18 августа 1825 года» (Памятники времен утверждения, 1909, стр. 152-160; Потто, 1994, стр. 469).

[2] Кроме нее была взята в плен и другая жена Карамурзина – сестра ногайского князя Эдиге Мансурова. У двух жен князя Карамурзина была следующая участь:

Одну из них – ногайскую княжну Ольмес-ханум отдали на попечение родственникам – ногайским князьям Эдиге Мансурову и Измаилу Алиеву.

Другую – черкешенку «Ханиш-Иль-Масхан», родственники которой жили далеко за Кубанью у абазин-кизилбековцев, отправили в Малую Кабарду и поручили лазутчику из отряда Вельяминова, кабардинскому узденю Астемирову, который сделал ее своей наложницей. Впоследствии, к сентябрю 1826 года на ней женился князь Федор Александрович Бекович-Черкасский.

Благодаря исследователю А. А. Прорецлавскому, сохранилась записанная в Ульском ауле песня «Плач княгини Иль-Масхан, жены Али Карамурзина». Вот ее строки: «Ранее я была женой славного князя Али Карамурзина. Я была счастлива и удостаивалась чести играть с ним на разукрашенной шелками постели. Теперь я наложница ненавистного человека, командовавшего

Другая женщина, жена убитого узденя, бросила 400 червонцев в дурное место (туалет – Авт.) и сама, ставши тут, зажгла все вокруг себя и сгорела вместе с золотом. После того в разных местах между пеплом сгоревших саклей находили слитки золота и серебра (РГВИА. Ф. 482 Оп.1. Л.71об.-74).

На месте погребено было 570 тел и найдено в разных местах до 100 тел, выкинутых водой из реки. Из всего аула спаслось только 139 душ обоего пола (то ест взято в плен – Авт.); погибло значительных узденей 18 и более известных до 50. У нас ранены только два казака. Много богатства досталось в жертву пламени, но и казаки довольно поживились деньгами, оружием и всяким имуществом. Лошадей отбито 665, рогатой скотины 530 и овец 2300.

Никогда не бывало столь удачного набега с такими незначительными силами и с такою малой потерей при всей безнадежности, потому что всем казалось, будто опоздали; но это самое было причиной невероятного успеха: кабардинцы ночью не спали, могли бы, открыв нас ранее, встретить и задержать в непроходимом ущелье, а между тем семейства их были бы спасены.

Замечательно, что такое ужасное истребление нанес кабардинцам их же соплеменник – кабардинский князь Федор Бекович-Черкасский из колена Джембулатова рода; у черкесов он известен под именем Тембота, или Темир-Булата. Это поражение Али Кара-Мирзы подвергнуло князя Бековича кровавой мести от своих соплеменников, они угрожали ему после разорением его собственного аула в Малой Кабарде, где жила престарелая мать его, которую они намерены были похитить для истязаний в отмщение сыну. Князь

солдатами, которые убили моего мужа. Как часто, подходя к окну русской сакли, я мечтаю о своем молодом князе, забывая порой, что его нет в живых. Горько, горько мне, когда услышу вдруг, что зовут меня к постели богатой, и вижу там лохматого как медведя, ненавистного мне человека…». (Утверждение русского владычества, 1904, стр.194,196-197).

После смерти князя Федора Бековича-Черкасского от сильной простуды в 1833 году, родственник его жены – живший за Кубанью «беглый кабардинский» князь Исмаил Касаев хотел выдать «свою сестру (вариант: племянницу)» за знаменитого темиргоевского князя Джамбулата Болотокова. «Звали ее Сластамина (Слоетама) и она являлась вдовой генерал-майора Бековича-Черкасского». Как известно, князь Бекович-Черкасский был женат только на одной жене и умер бездетным, а, следовательно, Иль-Масхан (Ханиш-Иль-Масхан) и Сластамина - это один и тот же человек.

В 1834 г. к ней посватался кабардинский князь Атажуко Атажукин. Сватовство происходило в ауле прапорщика Докшуко Касаева на Баксане. Но князь Касаев передал ей, чтобы она «без приказания его ни за кого не выходила в Кабарде замуж, и с тем вместе объявил, что он при удобном случае увезет ее за Кубань и там отдаст замуж за стоющего ее чермурчеевского (темиргоевского) князя Жембата Айтегова». (Бейтуганов С. Н., 2007, стр. 257). Отвергнутые Касаевым князья Атажукины, стали интриговать против него: «А Атажукины в ссоре за то, что не выдал по желании их Атажуке Атажукину в замужество родной сестры своей бывшей за покойным генерал-майором князем Бековичем-Черкасским». (РГВИА. Ф. 13454. Оп.8. Д.18. Л.4).

Бекович имел причину решиться на этот подвиг, потому что Али Кара-Мирза сам грозил ему разорением и пленом матери за то, что он сделался русским (РГВИА. Ф. 482 Оп.1. Л.74об.-75).

Бекович говорил, что вовсе не ожидает награды он как за это, так и за прочие дела свои, потому что ценит дружбу генерала Ермолова выше всяких наград. Он не забывает никогда, что генерал доставил ему возможность приобресть почти потерянное имение покойного отца своего и тем, доставя ему и матери его пожизненное состояние, обязывает его вечной благодарностью. Это очень благородно; однако отважный подвиг должен быть награжден – и Бекович получил орден Св. Георгия 4-й степени (на самом деле он его не получил, подробности ниже по тексту – Авт.).

Никогда кабардинцы со времени своего существования не запомнят такого поражения, и кто не был сам на месте пепелища, тот почитал сказкой, чтоб 350 наших казаков могли пройти столь неприступное место и сделать такое опустошение.

Это злосчастие кабардинцы не иначе почитали как сверхъестественной силой Божеского наказания. Чрез час после разорения пришли к аулу 300 вооруженных баракайцев, – но уже поздно: кровавый пир окончился...

Трогательно было явление пленных женщин, девушек и детей, собранных в вагенбурге. Одна из них была ранена в ногу; некоторые как полоумные, помешанные, с дикими взорами, рвали на себе волосы, выли, плакали или обнимались.

Дети были привезены особо, после женщин; малютки бросились к своим матерям… тут надо быть каменному, чтобы не тронуться любовью матерей: несчастные прижимали их к грудям, целовали с восторгом, их глаза оживлялись мгновенною радостью, и опять увлажнялись горькими слезами.

Однако и среди кровавых ужасов они сберегли для детей кусочки хлеба, которыми теперь старались усладить их горестную участь плена.

Из числа пожилых женщин одна была весьма почтенного вида, жена убитого узденя Измаил Алесхира, дочь Ирак Султана; ее окружали несколько молодых, чистых, белых дев с длинными косами и с благородными чертами в лицах; все они были одеты в пестрые, шелковые, хотя старые халаты и подпоясаны. Впрочем, все они казались непривлекательными: большие глаза, большие носы и тонкие губы представляли отличительные черты черкесской физиономии, искаженные испугом, горестью и страхом.

Особенно одна женщина, совершенно нагая, как Венера, восковая и вместе с тем прекрасная собой, лежала на земле почти без

чувств; она ничего не видела и не слышала пред собой; только лежа на правом боку, головой на руке испускала немые стоны и протягивала левую руку к сидящему перед нею обнаженному курчавому и прекрасному мальчику, конечно, первенцу ее супружеского счастья; в нем она видела единственную отраду, образ своего погибшего друга.

Из девочек и мальчиков были очень хорошенькие, невинные, не понимавшие, что с ними делается. Одна восьмилетняя девочка от испугу была как сумасшедшая: ломалась, кривлялась и к утру умерла (РГВИА. Ф. 482 Оп.1. Л.75об.-77).

Для помещения важнейших пленниц генерал просил меня устроить им мою офицерскую палатку, которая не была растянута и оставалась в запасе на лафете потому, что я в этот раз довольствовался солдатской.

Мне приятно было после мечтать в этой палатке и угадывать тайны дум и скорби прекрасных пленниц.

Между тем в моей палатке сидел мой новый кунак уздень Али Шегур, приятного лица, пожилой черкес; он опасался выходить из палатки, чтобы его не узнали приезжавшие к нам бесленейцы и не разорили в ауле за горой, где находились его семейство и душ тридцать подвластных.

После он выпросил у генерала сотню казаков и четыре пары волов, с которыми ночью привез к нам в лагерь своих людей с тем, чтобы поселиться на Кубани.

Али Шегур рассказывал мне, что теперь всех бесленейцев не более 1500 семейств, баракаевцев и казылбеков по 200 семейств каждого. Бесленейцы живут по Лабе около горы Ахмат: казылбеки же и баракаевцы, принадлежащие Казыл-Беку и Татархану, живут гораздо выше на речках, составляющих вершину Лабы и под снеговыми горами.

Аул Казыл-Бека стоит на левом берегу Лабы, против разоренного аула Али Кара-Мирзы. Далее за казылбеками на день езды, в самых неприступных ущельях снеговых гор на малых речках, впадающих в Лабу, – Ходзе, Урупе и Зеленчуке, живет бедный дикий народ мадовеи, около 200 семейств.

Генерал, возвратившись из ущелья, вскоре лег и спал до следующего утра; князь Бекович, Коцарев и все ходившие с ними, тоже спали как убитые, потому что мы в три ночи прошли 105 верст, а они 140; так было им отчего спать.

Офицеры говорили, что Коцарев, не желая успеху[1], нарочито распустил слухи, будто аул ушел, и генерал не решался идти сюда в последнюю ночь от речки Окарт; только майор Дыдымов, знавший хорошо Коцарева, упросил Бековича не верить этим слухам, а Бекович убедил генерала идти» (РГВИА. Ф. 482 Оп.1. Л.77-78).

Подробный рассказ И. Радожицкого о гибели аула Али Карамурзина хорошо дополняют воспоминания черкесов, записанные А. А. Прорецлавским «в Ульском ауле со слов Хаджи Шоцгенова и Султана Шахин-Гирея» (Утверждение русского владычества, 1904, стр.194). Хотя, как к любым устным преданиям, записанным спустя долгие годы после описываемых событий, относиться к ним стоит с известной степенью недоверия...

Прочитав эти записки, нам становится понятным почему «открытый черкесами и поздно пришедший отряд» российских войск застал жителей аула Карамурзина на своем месте: «Еще накануне вечером, когда совершенно стемнело, в аул Карамурзина прискакал незнакомый всадник, весь закутанный башлыком и буркой. Он тихо постучал в оконце княжеской сакли, и, вызвав самого Карамурзина, отвел его в сторону.

– Я служу русским, – сказал он, – но судьба детей и женщин твоего аула внушили мне жалость. Спасайте семьи. Сегодня или завтра нагрянут русские – их ведет Вельяминов.

Заметив на лице князя раздумье, он прибавил:

– Поступай, как знаешь. Я предупредил тебя и теперь еду к русским.

– Скажи, как твое имя? – спросил Карамурзин.

– Я бесленеевский узден Крым-Гирей Давшоков, – отвечал незнакомец, и, ударив коня плетью, скрылся из виду.

Карамурзин тотчас собрал на совет стариков, но его никто не послушал.

«Сколько раз, – говорили они, – нас поднимали ночью, заставляли бежать и всегда напрасно; ни Вельяминов, ни Коцарев никогда не доходили до нас. Мы живем позади бесленеевцев, которые не пропустят русских, да и русские не пройдут мимо, чтобы их не ограбить; следовательно, уйти всегда будет время». Карамурзин уступил эти доводам.

[1] По словам И. Радожицкого «Настоящая фамилия его была Казара…он происходил из греков, поселившихся в Полтавской губернии…но сам выдавал себя всегда за родственника известного генерала Мелиссино. Кацырев был человек суровый, скрытный и нелюдимый. Он был очень завистлив к успехам других и не терпел князя Бековича-Черкасского, когда тот стал выдвигаться на Кубани своими боевыми подвигами» (Потто, 1994, стр. 425-426).

«Хорошо, – сказал он, – я останусь с вами. Но если меня сегодня убьют, то передайте всем, что Крым-Гирей Давшоков предупреждал вас» (Утверждение русского владычества, 1904, стр. 191-192).

В это время Давшоков возвратился к отряду Вельяминова и сообщил, что аул Карамурзина пуст. Но, как мы уже знаем, Вельяминов не поверил его докладу и впоследствии записал в журнале боевых действий отряда об этом так: «Известие это показалось мне странным; я усомнился в нем, потому что войска шли по ночам и весьма скрытно; правда, хотя и за всем тем движение их могло быть как-нибудь замечено или открыто посредством армян, торгующих на меновых дворах, но намерение мое напасть на аул Али Карамурзина никак не могло быть известным, ибо множество других аулов имели столько же причин опасаться нашего нападения.

Я решился идти далее с тем, что если не удастся напасть на аул, то, по крайней мере, заставить его совсем уйти к абадзехам, где кабардинцы находятся в весьма стесненном положении» (Утверждение русского владычества, 1904, стр. 192).

В это время к Вельяминову подъехал другой лазутчик – Шавгуров (Али Шагур из записок Радожицкого) и шепнул ему на ухо: «Не верь Давшокову: он изменник и лжет. Я сейчас поеду сам и узнаю правду; никто не мог предупредить Карамурзина».

К вечеру он вернулся и сообщил, что аул стоит на месте. Давшокова арестовали и затем повесили, а Вельяминов, как мы уже знаем, двинул к аулу 350 линейных казаков под начальством Бековича-Черкасского, «приказав ему как можно скорее обложить аул и держать его в блокаде до прибытия пехоты». (Утверждение русского владычества, 1904, стр. 192-193).

Еще один источник, дополняющий рассказ И. Радожицкого о разгроме аула и судьбах его обитателей, – адыгские исторические песни-«гъыбзэ».

В одной из них уздень Шумаф Шогенов, «видя, что все вокруг гибнет», взял на руки своего двухлетнего сына Измаила, привязал к его руке свою «заветную, не знавшую промаха золоченую винтовку «череджаб» (название винтовки – искаженное имя известного черкесского оружейника Ериджибока – Авт.) и со словами: «Аллах, в твои руки предаю их», бросил в глубокую пропасть. А свою дочь – «красавицу Кошехероей, он защищал до последних минут жизни» (Утверждение русского владычества, 1904, стр. 194).

Дальнейшая судьба двух детей узденя Шогенова была разной. В рапорте Вельяминова от 22 апреля 1825 года, где был приведен поименный список всех пленных и в котором есть имена других

членов семьи Шумафа Шогенова, девушка с таким именем не значится.

А вот его двухлетний сын Измаил выжил. Через три дня после ухода русских войск, его случайно обнаружили черкесы висящим над пропастью и зацепившимся отцовской винтовкой за куст. Провисев много времени без пищи и воды, он «казался мертвым», но был «возвращен к жизни». После завершения Кавказской войны он проживал в Ульском ауле Кубанской области.

10 апреля 1825 года отряд Вельяминова, нагруженный пленными и добычей, потеряв за весь поход троих раненых казаков, «из которых двое вскоре умерли», вернулся в Прочный Окоп (Утверждение русского владычества, 1904, стр. 195).

Общие итоги этой экспедиции генерал Вельяминов представил А. П. Ермолову в рапорте от 19 апреля 1825 года: «Кто не был сам на месте пепелища, тот почитает сказкой, чтобы 350 казаков могли пройти через такие неприступные места и сделать такое страшное опустошение.

К сожалению, погибло много простого народа, женщин и детей. Всеобщий испуг был тому причиной. Все жители без памяти бросились под защиту вооруженных», и казаки, сражаясь с ними, невольно убивали и тех, кого надо было бы спасти. Многие погибли, пытаясь перебежать на другую сторону Лабы, но, увлеченные быстрой водой, тонули» (Утверждение русского владычества, 1904, стр. 195).

Что же касается приведенных русским отрядом черкесских пленных, то с ними «было поступлено обычным порядком» – мужчин разослали на крепостные работы, а женщин и детей раздали в казачьи семьи.

Описанные выше ужасы гибели аула Карамурзина, привели к тому, что, когда генерал А. П. Ермолов, получив донесение о погроме «беглых кабардинцев», представил Бековича к награждению орденом Святого Георгия 4-й степени «за предприятие отлично смелое и самым удачным образом исполненное», то император Александр I не утвердил это представление.

«Если распоряжения его к первоначальному нападению и заслуживают награды,– писал царь в рескрипте от 29 сентября 1825 года Ермолову, – то, с другой стороны, он теряет право на нее тем, что благоразумно начатое дело было окончено совершенным истреблением более трехсот семейств, в коих, конечно, большая часть были женщины и дети, не принимавшие участия в защите…Умение удержать подчиненных в должном повиновении при победе, равно как и в несчастии, – продолжал император, – есть из первых достоинств военачальника, и я не намерен награждать тех, кои не действуют в сем

важном случае во всей точности моих повелений» (Утверждение русского владычества, 1904, стр. 195-196).

Тем не менее, уничтожение аула Карамурзина стало очень значимым событием в истории Кавказской войны на Кубанской Линии.

Генерал А. А. Вельяминов, как мы уже знаем, «почитал это сказкой», историк В. А. Потто отмечал, что «никогда еще кабардинцы не терпели такого страшного поражения, нанесенного столь ничтожной горстью людей».

Именно поэтому покойный доктор исторических наук В. Х. Кажаров из Нальчика сильно усомнился в картине этих событий, представленной в трудах дореволюционных авторов...

В своей статье «Песни, ислам и традиционная культура адыгов в контексте Кавказской войны» (Кажаров, 2014, стр. 30-89), на основе анализа старинной адыгской песни «Лабэдэсхэм я гъыбзэ» («Плач жителей Лабы»), он утверждал, что «...сведения Потто о силах, уничтоживших аул князя Карамурзина, и неучастии в этой операции отряда Вельяминова на самом деле следует признать сказкой» (Кажаров, 2014, стр. 65).

Но на какой основе он сделал такой вывод?

В первую очередь на идеализации воинских качеств кабардинских дворян, которые «даже застигнутые врасплох, оказали бы казакам столь мощное сопротивление, что их первоначальный успех обернулся бы для них неминуемым поражением. В русских источниках отмечалось, что по своим боевым качествам 100 кабардинских узденей превосходят 500 казаков и что «никакое нерегулярное войско с кабардинцами сравняться не может» (Кажаров, 2014, стр.65).

По мнению В. Кажарова «…все началось не с нападения «горсти» казаков, а с артиллерийского обстрела, который разбудил спящее село, внес наибольшее смятение среди его жителей и причинил им самый значительный урон, сделав невозможным их организованное сопротивление».

В песне есть такие слова: «О, гяуры проклятые, вашим пушкам зеленым большим Ахмет-гора эхом отвечает». Это значит, что 18 орудий с горы Ахмет в упор расстреливали аул. Затем в дело вступили регулярные части - пехотинцы («сэлэтыжьхэр») и драгуны («дырэгунхэр»), сопровождаемые боем барабанов:

Разбудили нас рано барабаны,
На горе – гяуры в свиных чевяках.
От грохота их барабанов
Красная Ахмет-гора гудит.

В песне также неоднократно упоминаются штыки («фочыпэбж») – атрибут вооружения опять же регулярной пехоты:

«Не в обычае у нас, чтоб женщин
Остриями штыков кололи!» –
Так сказав, бросилась на штыки
Дочь Шогеновых Гошехурей».

Также в тексте песни устами женщин говорится, что:

«Нас же берут в наложницы
Усатые драгуны».

В то же время ни в одной из версий этой песни не говорится о казаках, которые упоминаются во всех «гъыбзэ» времен «Кавказской войны», как «къэзакъыжьхэр» – «казаки поганые» (Кажаров, 2014, стр.69-70).

Отсюда В. Х. Кажаров сделал вывод, что 350 линейных казаков князя Бековича никак не могли в течение двух часов уничтожить весь аул, являвшийся «целым городом», убить свыше 1000 человек, «отбить скота и лошадей свыше 4000 голов, взять в плен 139 душ и потом безнаказанно уйти от подошедших к аулу на помощь трехсот кабардинцев».

Все это сделали регулярные войска (пехота и артиллерия) из отряда Вельяминова, «причем в гораздо большем количестве, чем это отмечено у В. А. Потто» (Кажаров, 2014, стр.71).

Мы, в свою очередь, можем сказать, что в своей статье В. Кажаров, по любому поводу используя слова «военное преступление», «мирное население», «уничтожение беззащитных людей», «убийство женщин и детей нельзя оправдать никакой военной или политической целесообразностью», «невиданный (по крайней мере, со времен татаро-монгольского нашествия) случай массового уничтожения беззащитных людей»[1], существенно исказил реальную историческую картину.

Во-первых, из-за того, что он не был знаком с записками И. Радожицкого, которые повествуют об этих событиях правдиво и непредвзято. И, напомним, именно из-за такого подхода к историческим фактам, записки Радожицкого так и не были опубликованы...

Во-вторых, В. Кажаров, когда писал свою статью, видимо не удосужился познакомиться с техническими возможностями

---

[1] С этим никто не спорит, но таких же фраз в отношении пограничного российского населения - погибших или уведенных в плен женщин и детей из казачьих станиц, хуторов, крестьянских сел, национальные авторы никогда не говорят. Но при этом они имеют смелость утверждать, что «к таким методам ведения войны, как вероломное нападение на спящих жителей и поджог жилищ», черкесы «не прибегали даже в самых экстраординарных случаях» (Кажаров, 2014, С.67).

российской артиллерии той эпохи. Втащить на высокую и крутую гору Ахмет (авторы лично бывали в ее окрестностях и могли лично оценить крутизну ее склонов – Авт.), куда казаки поодиночке поднимались «по едва приметной тропинке», все 18 полевых[1] пеших и конных орудий отряда, установить их там, как и стрелять из них вниз, под отрицательным углом возвышения, тогдашним пушкам, в силу своей конструкции, было невозможно.

В-третьих, никаких «драгунов» в отряде Вельяминова не было.

В-четвертых, «на войне и не такое бывает», взгляд В. Кажарова на события, произошедшие в ночь с 4 на 5 апреля 1825 года на Лабе, явно предвзят и, как известно, к устному народному творчеству, к песням, записанным через десятки лет после описываемых в них событий, стоит относиться с известной степенью доверия...

Но мы, впрочем, снова вернемся к событиям 1825 года.

Прошло немного времени и, в ответ на разгром аула Карамурзина и смерть самого князя, закубанские горцы отомстили двум черкесским лазутчикам отряда Вельяминова. Кровомстителями для двух проводников отряда – Шавгурова (Шагура) и Астемирова (Астемира) стали племянники убитого князя Карамурзина – «беглые кабардинские князья» князья Кучук Аджи-Гирей и Магомет Атажукин (последний, до своего побега в горы, сам служил у русских лазутчиком).

Сперва Магомет Атажукин подстерег Шавгурова (Шагура), когда тот выехал из своего аула и положил его на месте выстрелом из винтовки. По княжескому обычаю он снял с убитого его оружие, положил возле тела, накрыл Шагура буркой и, стреножив коня, пустил его возле.

Один мирной кабардинец случайно наткнулся на убитого и поднял тревогу. Из аула выскочили жители, никого не нашли, но все поняли что это была месть за Довшокина (Давшокова) и Карамурзина...

Затем Кучук Аджи-Гиреев, среди белого дня, угнал в горы табун, принадлежавший Астермиру. Астемир догадался, что Аджи-Гирею вовсе нужны не его лошади и сразу понял, зачем приезжал его кровник.

С несколькими нукерами он пустился в погоню. Табун они скоро настигли и, увидев Аджи-Гирея, Астемир крикнул ему: «Ты приехал за моей жизнью, так бери же ее, если можешь»!

---

[1] Важен тот факт, что это были именно полевые орудия с тяжелыми и неразборными лафетами. Первое упоминание специальной горной артиллерии в боевых действиях на Северо-Западном Кавказе – 3-фунтовых горных единорогов и 6-фунтовых кегорновых мортирок, относится к 1828 году, к экспедиции генерала Г. А. Еммануэля для покорения Карачая.

Тогда, по старому адату, княжеские уздени отъехали в сторону, и оба противника понеслись друг на друга. Их одновременные выстрелы из винтовок прошли мимо цели, но выстрел Аджи-Гирея из пистолета убил Астемира наповал (Утверждение русского владычества, 1904, стр. 197-198).

Прошли годы, Илья Тимофеевич Радожицкий уже покинул Кавказ, но события, произошедшие в апреле 1825 года возле Ахмет-горы, не шли у него из головы. В конце концов, они воплотились в «черкесскую повесть в стихах «Али Кара-Мирза», которая была опубликована им в Москве в 1832 году.

И хотя сам И. Радожицкий свою поэму называл «безделкой» и «плодом часов отдохновения от важнейших занятий по службе», она, по мнению литературных критиков, «может быть поставлена в один ряд с лучшими произведениями русской литературы», написанными в начале XIX века и «посвященными Кавказу...» (Колосовская, 2015, стр. 50).

Поэма «Али Кара-Мирза» была написана И. Радожицким в модном тогда стиле романтизма. Вслед за А. С. Пушкиным, он рисует образ гордых и свободолюбивых черкесов, живущим по обычаям «горной и лесной свободы»[1]:

«Им мило жить всегда в горах,
Без принуждения, по воле,
Летать орлами в чистом поле,
Ловить добычу, промысл знать:
Губить, жечь, грабить, разорять,
Не знать суда иной расправы,
Как острый при бедре булат –
Такие у черкеса нравы» (Радожицкий, 2002, стр. 36).

Но, с другой стороны, И. Радожицкий, российский офицер, показывает «совсем неромантичные» набеги горцев на Кавказскую Линию:

«...Иной скрылся за кустами,
Караулить у дороги,
И завидя, как с волами,
Едет сонный, свесив ноги,
Гикнет мигом из засады,
Нападает на сонливых,

[1] Весьма характерная мысль по этому поводу была сказана Владимиром Броневским в своей книге «История Донского войска. Описание Донской земли и Кавказских минеральных вод» (СПб.,1834). В ее 4-й части - «Поездка на Кавказ», в главе «Нечто о черкесах» - есть фраза о том, что «...Едва ли есть на земном шаре другой народ, который бы с большим упорством защищался и с большею наглостью посягал на утеснение своих соседей и ближних» (Броневский, 1834, стр. 83-84).

И за подвиг свой в награды
В плен уводит баб трусливых...».
«...Ни проезда, ни прохода
Нет урусам по дороге;
В поле страшна им работа,
А в станицах все в тревоге:
Табуны там угоняют,
Дым клубится от пожара,
Там марушки пропадают –
И виной всему был Кара!» (Радожицкий, 2002, стр. 12).

И, как ответ на горские набеги, в следующей, «третьей песне» своей повести – «Появление мстителя», автор воспевает действия генерала Алексея Петровича Ермолова, грозного «проконсула Кавказа»:

«...Кавказа снежные вершины,
Двуглавый Казбек вековой,
И страшны Терека пучины
Смирились под его пятой.
Хребет нагорный раздвоился,
Мостами Терек укротился,
В ущельях ветр, не смеет дуть!
Где он идет – свободен путь...».
«Смотрите чудное явленье:
Потрясся холм, и дол, и лес,
Вздрогнула с ним сама Природа!
То бич кавказского народа –
Исчезли для черкес мечты...
Вождь силы грозной – это ты!» (Радожицкий, 2002, стр. 14).

И, в конце концов, Кабарда, после ожесточенного сопротивления, была усмирена Ермоловым, а часть ее жителей спасается бегством за Кубань:

«Спаслись они от злой беды,
Но не спасли всей Кабарды!»

В «девятой песне» автор описал разорительный набег «закубанских народов» на казачью станицу, в котором принял участие кабардинский князь Али-Кара-Мирза вместе со своими подвластными.

Но, на обратном пути к Кубани, горцы были разбиты «урусами» и у молодой жены князя Кармурзина, которая получила от него в подарок двух пленных женщин-казачек, «предчувствием сердце страдает»:

«Уж там от урусов явились беды:
Аул разорили соседний,

Дождется и Кара своей череды!

Набег тот свершился последний...». (Радожицкий, 2002, стр. 46).

«Десятая песня», названная «Поход русских», описывает скрытное движение к аулу князя Карамурзина отряда «сердитого генерала» Вельяминова, который:

«Пылая лютым, грозным мщеньем
Готовил закубанцам казнь.
Храня свой замысел в тайне строгой,
К Кубани он полки собрал:
Пришли: Тембот[1], Яким[2], и пушек много;
Пришел сердитый генерал».

Один из важных фактов, о котором И. Радожицкий ничего не сказал в своих записках, он вставил в свою поэму:

«Узнал Мирза. Ему князь темиргойский,
Мисост[3] прислал такую весть,
Что враг урус сбирает тайно войски,
И замысел в нем какой-то есть».

Но самоуверенный «Мирза-джигит с презреньем усмехаясь, сказал: «Пускай идут», собираясь приготовить для русских «вкусный пир» с угощением из их собственных ушей и голов...

Но, пока он так говорил, «урус уже шел»:

«...И в первый день,
Он на Уруп пришел под тень,
Над берегом, в дремучий лес,
И скрылся днем тут от черкес.
В другую ночь, в туман велик,
Прошел он скоро на Чалмык;
И тут в лесу весь день сидел,
Не вздул огня, не пил, не ел.
На третью он последню ночь
Явил свою джигиту мочь:
Прошел к Лабе через леса,
Туда, где жил Али-Мирза». (Радожицкий, 2002, стр. 48-51).

«Одиннадцатая песнь» – «Поражение» описывает нападение русских и кровавый разгром кабардинского аула:

[1] «Полковник, князь Бекович-Черкасский, которого черкесы называют Темир-Булатом, или Темботом» (примечание И. Радожицкого).

[2] «Майор Дыдымов, бывший командир Кавказского казачьего полка, офицер, уважаемый черкесами под именем джигита Якима» (примечание И. Радожицкого).

[3] «Мисост Айтеков, князь Темиргойский, живший на реке Лабе, против крепости Усть-Лабинской» (примечание И. Радожицкого).

«Уж храбрый Тембот, неизменный джигит,
Казаков ведет за собой длинно-пиких,
Дух мщенья и злобы в сердцах их кипит,
Как в вепрях щетинистых страшных и диких».
И вот «...храбрый Тембот в тот аул, с трех сторон
С казаками вихрем для сечи ворвался!
Вдруг выстрел, вдруг пламя, крик с плачем и стон;
Удар за ударом, глас битвы раздался!
Пирует тут смерть!
Очнулись черкесы, не знают, что взять,
В безумье, от страха, к оружью стремятся;
Не знают себя-ли, детей-ли спасать,
Иль в саклях горящих с врагами сражаться!
Иной вдруг, спросонья, хватает кинжал,
Выходит для сечи полуобнаженный;
Иной без заряда, прицелясь, стрелял,
И падал без выстрела, пикой пронзенный.
Пирует тут смерть!
Так весь истребили урусы аул;
Что пика щадила, огнем пожиралось;
От сечи кровавой носился лишь гул;
Младенцев невинных, прекрасных их жен
Урусы, смягчаясь, едва пощадили;
Все взяли: оружие, злато и плен!
И триста джигитов с Мирзою погибли:
Так страшен урус!
С победой Тембот возвратился в свой стан.
Гордяся от мщенья урусы ликуют.
Но пленные плачут и стонут от ран,
О родине, милой свободе тоскуют.
О, сколь для черкесов ужасен был день!
Судьба так жестоко Мирзу наказала!
Исчезло их счастье, как беглая тень;
Исчезли надежды, что мило прельщали!
Так страшен урус!» (Радожицкий, 2002, стр.52-54).

И, в завершении нашей статьи, мы приведем два фрагмента из повести, в которых И. Радожицкий, устами рассказчика – горского князя Джембулата, сделал два вывода, к которым он пришел за время своей службы на Кавказе:

«Но кто виной? Не кабардинцы ль сами?
Кто раздражал урусов грабежами?
Их дружбою зачем не дорожим?

Во вред себе мы им вредить хотим,
Но силы где, и что нам для защиты?
Толпы рабов и буйные джигиты!...»

Прекрасно понимая, что именно черкесские набеги на казачьи станицы и крестьянские села влекут за собой такие жестокие меры российского командования, И. Радожицкий, опять устами князя Джембулата, говорит о бесперспективности горского сопротивления:

«Ах! Зачем бессильным драться!
Лучше власти покоряться,
Чем буянить, резать, жечь,
И без славы в прахе лечь!» (Радожицкий, 2002, стр. 18, 58).

Список литературы

Российский государственный военно-исторический архив (далее РГВИА). Фонд 482 «Военные действия в Закавказье и на Северном Кавказе (Кавказские войны)» Оп.1. Д. 135 «Походные записки артиллериста в Азии с 1823 г. по 1831 г. Сост. полковник Родожицкий». 194 л.

РГВИА. Фонд 13454 «Штаб войск Кавказской Линии и в Черномории расположенных» Оп.8. Д.18. «Рапорт исправляющего должность главного пристава закубанских народов штабс-капитана Венеровского командующему войсками на Кавказской Линии и в Черномории господину генерал-лейтенанту и кавалеру Вельяминову, за ... (дата написана нечетко) сентября 1835 г.».

Бейтуганов, С. Н. (2007) *Кабарда: история и фамилии.* Нальчик: Издательство «Эльбрус».

Броневский, В. Б. (1834) *История Донского войска. Описание Донской земли и Кавказских минеральных вод.* СПб.: Типография Экспедиции заготовления Государственных бумаг.

Кажаров, В.Х. (2014) *Песни, ислам и традиционная культура адыгов в контексте Кавказской войны. Адыгские песни времен Кавказской войны*. Нальчик: Издательство «Печатный двор».

Колосовская, Т.А. (2015) Российские военные *в социокультурном пространстве Северного Кавказа XVIII - XIX вв.* М.: Издательство «Каллиграф».

Памятники времен утверждения русского владычества на Кавказе. / Под редакцией генерал-майора Потто (1909). Выпуск 2. Тифлис: Типография Штаба Кавказского военного округа.

Потто, В. А. (1994) *Кавказская война*. *Ермоловское время* (Т.2). Ставрополь: Издательство «Кавказский край».

Радожицкий, И. Т. (2002) *Али-Кара-мирза. Черкесская повесть в стихах*. Нальчик: Издательство журнала «Адыгэ Хэку».

Толстой, В. С. (2000) *Биографии разных лиц, при которых мне приходилось служить или близко знать*. Сборник Русского исторического общества. Россия и Северный Кавказ. Т.2 (150). М.: Издательство «Русская панорама»

Утверждение русского владычества на Кавказе: к столетию присоединения Грузии к России. 1801-1901. (1904) Под руководством Н.Н. Белявского; под редакцией В. А. Потто. Том III «Время Алексея Петровича Ермолова: 1816–1826». Часть вторая. Тифлис: Типография Штаба Кавказского военного округа.

THE DEMOLITION OF KABARDIAN REFUGEES OF PRINCE ALI KARAMURZIN IN THE LITERARY HERITAGE OF ILYA TIMOFEEVICH RADOZHITSKY

Boydenko S. V.

Boydenko, Svetlana Vladimirovna, Moscow 105203,
e-mail: ssoloczkaya@mail.ru

Skiba K. V.

Skiba, Konstantin Viktorovich, Armavir 352900,
e-mail: kv-220-85@mail.ru

In this article, a fragment of «Travel records of an artilleryman in Asia from 1823 to 1831» compiled by I.T. Radozhitsky (a Russian officer who participated in the Caucasian war) is for the first time fully published, studied and commented in details. The events described by I. Radozhitsky took place during a military raid forayed by General A. Velyaminov in April 1825 against the so-called «Kabardian refugees» who lived across the Kuban river and the defeat of the Prince Ali Karamurzin's village («aul»). These historical facts were later used by I. Radozhitsky in his «Ali Kara-Mirza, a Circassian novel in verse» which was published in Moscow in 1832.

Key words: Ilya Timofeevich Radozhitsky, Caucasian War, Kuban border line, General A. Velyaminov, Kabardian Prince Ali Karamurzin, Kabardian refugees, linear Cossacks.

References

Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv (dalee RGVIA). Fond 482 «Voennye dejstviya v Zakavkaz'e i na Severnom Kavkaze (Kavkazskie vojny)» Op.1. D. 135 «Pohodnye zapiski artillerista v Azii s 1823 g. po 1831 g. Sost. polkovnik Rodozhickij». 194 l.

RGVIA. Fond 13454 «SHtab vojsk Kavkazskoj Linii i v CHernomorii raspolozhennyh» Op.8. D.18. «Raport ispravlyayushchego dolzhnost' glavnogo pristava zakubanskih narodov shtabs-kapitana Venerovskogo komanduyushchemu vojskami na Kavkazskoj Linii i v CHernomorii gospodinu general-lejtenantu i kavaleru Vel'yaminovu, za ... (data napisana nechetko) sentyabrya 1835 g.».

Bejtuganov, S. N. (2007) *Kabarda: istoriya i familii.* Nal'chik: Izdatel'stvo «EHl'brus».

Bronevskij, V. B. (1834) *Istoriya Donskogo vojska. Opisanie Donskoj zemli i Kavkazskih mineral'nyh vod.* SPb.: Tipografiya EHkspedicii zagotovleniya Gosudarstvennyh bumag.

Kazharov, V.H. (2014) *Pesni, islam i tradicionnaya kul'tura adygov v kontekste Kavkazskoj vojny. Adygskie pesni vremen Kavkazskoj vojny*. Nal'chik: Izdatel'stvo «Pechatnyj dvor».

Kolosovskaya, T.A. (2015) *Rossijskie voennye v sociokul'turnom prostranstve Severnogo Kavkaza XVIII - XIX vv.* M.: Izdatel'stvo «Kalligraf».

Pamyatniki vremen utverzhdeniya russkogo vladychestva na Kavkaze. / Pod redakciej general-majora Potto (1909). Vypusk 2. Tiflis: Tipografiya SHtaba Kavkazskogo voennogo okruga.

Potto, V. A. (1994) *Kavkazskaya vojna. Ermolovskoe vremya (T.2).* Stavropol': Izdatel'stvo «Kavkazskij kraj».

Radozhickij, I. T. (2002) *Ali-Kara-mirza. CHerkesskaya povest' v stihah*. Nal'chik: Izdatel'stvo zhurnala «Adygeh Hehku».

Tolstoj, V. S. (2000) *Biografii raznyh lic, pri kotoryh mne prihodilos' sluzhit' ili blizko znat'. Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva. Rossiya i Severnyj Kavkaz. T.2 (150).* M.: Izdatel'stvo «Russkaya panorama»

Utverzhdenie russkogo vladychestva na Kavkaze: k stoletiyu prisoedineniya Gruzii k Rossii. 1801-1901. (1904) Pod rukovodstvom N.N. Belyavskogo; pod redakciej V. A. Potto. Tom III «Vremya Alekseya Petrovicha Ermolova: 1816–1826». Chast' vtoraya. Tiflis: Tipografiya Shtaba Kavkazskogo voennogo okruga.